Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Искушения взрослой жизни. Часть I. Ольга

Я не любитель всякого порнографического фэнтези. Поэтому всё, что расскажу — правда.
Этим рассказом я начинаю коротенький цикл невымышленных историй. Речь в них пойдет об одном изощренном способе искушения, который часто применяется опытными женщинами. Я где-то слышал, что французские проститутки давным-давно освоили этот прием привлечения клиентов. Часто уличные девицы справляют малую нужду, не покидая рабочего места. В лучшем случае, женщина отходит в сторону, оставаясь при этом в хорошей видимости для клиентов. Закончив публично писать, проститутка имеет все шансы получить на вечер хорошо разогретого клиента. Кстати, множество так называемых, вуайеристских фотографий делаются именно в таких ситуациях.
Я закончил институт в начале 90-х. В это время перестройка перешла в свою заключительную — «дикую» стадию. Народ ломанулся кто в коммерцию, кто в челноки, кто в бандиты. Я же стремился заниматься своим делом. Достойно прожить, занимаясь программированием, в этой ситуации было непросто. Короче, пахал я тогда, как трактор. В таком режиме прошло пять лет. К этому времени я имел уже немалый опыт, работал в престижной конторе, на хорошей должности, в подчинении у меня к этому времени уже были люди. Будучи женатым человеком, меня в то время с трудом хватало на однообразный секс с женой. Мне казалось, что личная жизнь на этом закончилась. Работая по 12 часов в сутки, я редко отрывался от компьютера.
В один из таких моментов я обратил внимание на свою новую подчиненную. Её включили в команду принудительно, как иногда происходит в могучих и многолюдных конторах. Была она мамина дочка. В том смысле, что соседним отделом руководила её мать. Я не очень сопротивлялся, так как работать в команде было кому, а девица — не помеха.
Шел 96-й год, значит, ей тогда было 23. Она была невысокой — метр шестьдесят или чуть повыше. Натуральная блондинка. Таких правильных блондинок я больше не встречал. У неё были густые, сильные и длинные волосы. Чаще она распускала их по плечам, а иногда скалывала пучком на затылке. У неё было кукольное личико без изъянов. Курносый носик придавал её лицу некоторую мельчавость. Как многократно говорил мне мой искушенный в жизни приятель — эта женщина склонна к полноте. Действительно, её тело уже имело классическую форму. Так в начале эры изображали женское тело римские скульпторы. В 23 года у неё было тело сформировавшейся взрослой женщины. Тонкая талия, широкие бедра и высокая хорошо очерченная грудь. Она была на редкость пропорциональна и ухожена.
За полтора года до этого она развелась с мужем. Её брак был слишком скороспелым и не оставил за собой ничего, кроме взаимного недоумения и разочарования.
Забегая вперед, скажу, что в последствии, с этой женщиной у меня была долгая и зачастую очень счастливая интимная связь. Началось же всё с того момента, когда она пришла к нам работать. Как говорится (она потом сама это подтвердила), она положила на меня глаз. Я заметил это не сразу. Я уже сказал, что с головой был погружен в работу. Кроме того, флирт с молоденькой подчиненной (мне тогда было 28) вряд ли мог способствовать продвижению в нашей компании. Но главное, у меня в отделе работали молодые парни, которые в отличие от меня были не женаты.
Они были Ольге почти ровесники. Про себя я отметил, что в нашем мужском, циничном

коллективе началось тихое, а иногда и не очень бурление. Парни исходили слюной по поводу Ольги. В мужской компании за пивом после работы обсуждались возможные тактики завоевания Ольгиных рубежей.

Обычные пивные разговоры о работе и просто так ни о чем, мгновенно уступили место обсуждению прелестей нашей новой сослуживицы. Я ощущал себя на этих собраниях лишним. Более того, я ощущал себя почти стариком.

Была весна. Порою, после совместных пивных походов я представлял себе, как бы я повел себя, будь я неженат. Мне казалось, что тогда я смог бы на равных включиться в это увлекательное соревнование с моими молодыми коллегами. Но выбор мой был сделан давно, и менять что-либо ради сомнительных приключений я не хотел.

Ольга пару раз ходила пить пиво с нами. Тогда все пивные разговоры превращались в бесконечную череду анекдотов, приколов и обсуждение окружающих нас на работе коллег. Я заметил, что Ольга пила на равных со всеми. Обычно после работы вечером мы выпивали по паре бутылок у ларьков, которые в те годы в изобилии водились в районе «Пяти углов».

После этого все разъезжались по домам. Кто-нибудь их молодых обязательно увязывался за Ольгой, чтобы проводить её до дома. Не знаю, может у них, была установлена внутренняя очередность, так как провожали её по очереди. Как правило, за следующим пивом без Ольги, счастливец рассказывал, как он «чуть» не попробовал, то сокровенное, что надежно скрывали от посторонних глаз Ольгины трусики.

Как оказалось, парни мои не склонны к чрезмерным фантазиям, потому, что каждый с неохотой признавал в конце рассказа, что добиться от Ольги малейшего расположения не так-то просто, не то, что полноценно выебать её.

Я подозревал, что у Ольги было увлечение вне нашей компании и, как уважающая себя женщина, она не собирается связываться с сослуживцами. Ко всем она относилась довольно ровно, практически одинаково. При этом, как и подобает подчиненной, по отношению ко мне она не допускала ни малейшего панибратства.

Всё изменилось ярким солнечным днем 4 июня. Совпали сразу несколько событий. Прежде всего, у одного из моих парней, я называл их «чуваками», случился день рождения.

Второе событие наступило в этот же день сразу после обеда. Было объявлено, что в здание нашей компании заложена бомба. Приехала милиция. Всех в течение десяти минут выгнали на улицу. Так в три часа рабочий день закончился.

Отпраздновать день рождения как планировалось с тортом и чаем не получилось. Поэтому, мы решили отправиться пить пиво в честь дня рождения Сереги и за того недоброго злоумышленника, который поставил на голову наш отдел безопасности, а нам укоротил рабочий день.

Собралась небольшая компания — четверо парней и Ольга. Мы остановились у скамейки на аллее около ТЮЗа. В то время перед парком около ТЮЗа свободно торговали пивом несколько ларьков. Мы никуда не спешили в этот раз. Выпили по первой, потом сбегали за добавкой, потом ещё:

Народу вокруг нас было немало. Метрах в ста от аллеи, где стояла наша скамейка пила пиво группа девиц. Ближе к ним были расположены густые подстриженные под один уровень кусты. Молодые женщины громко что-то обсуждали, смеялись.

Я отметил, что от общей группы отошли двое девиц и направились к кустам. После они развернулись лицом друг к другу и синхронно присели за кусты, сразу пропав из виду.

«Красоткам пришло время отлить» — подумал я про себя. Через минуту обе также синхронно, как по команде встали и, поправляя одежду, направились обратно к общей компании.

Мы пили пиво у скамейки, причем сидела на скамейке только Ольга. Мы же стояли вокруг. Периодически, кто-нибудь один шел к ближайшим ларькам и покупал пиво для всей компании.

Через час выпитое пиво начало подавать настоятельные сигналы в наших мочевых пузырях. Вокруг не было даже намека на общественный туалет. Мы с парнями выбрали место рядом с глухой стеной и отходили туда по парам, в то время,. как двое других оставались развлекать Ольгу.

Место около стены было далеко не идеальным для справления нужды, так как мимо по тропинке постоянно фланировали люди. Это не сильно нас смущало, так как, во-первых, эти люди не работали в милиции, а во-вторых, мы отливали стоя лицом к стене и казались сами себе вполне защищенными.

«Вечеринка» продолжалась. Мы уже потеряли счет выпитому пиву. Все парни уже успели справить нужду по три раза. Ольга пила наравне со всеми. «Странно», думал я, — «когда же она предпримет попытку сходить в туалет?». В это время вместимость её мочевого пузыря вызывала у меня если не восхищение, то уж точно — уважение.К этому времени все мы были уже довольно навеселе. Начались фривольные разговоры, которые никогда раньше не допускались в присутствии Ольги.

Прежде всего, стали обсуждать разный цвет волос у женщин. Возник вопрос, как точно определить природный окрас волос, если всегда есть вероятность, что волосы женщины искусно покрашены. Это был завуалированный наезд на блондинистую Ольгу. Она сразу поняла это и мгновенно парировала выпад, заявив, что для того, чтобы единственно достоверным способом узнать истинный цвет волос женщины необходимо увидеть её лобок. «Но уж я-то натуральная блондинка», сказала она со смехом, «я же свои волосы ТАМ вижу довольно часто».

Парни радостно загудели — ответ им определенно понравился. В этот момент вернулась очередная смена «оросителей стены». «Ух, хорошо!» — произнес один из вернувшихся с выдохом.

В этот момент Ольга, как бы шутя, с плаксивыми нотками в голосе произнесла фразу «А я тоже уже хочу-у-у-у!, но бою-ю-ю-сь!», растягивая слова, как маленькая девочка. На несколько мгновений в воздухе повисла гнетущая тишина. В наших пьяных головах лихорадочно прокручивались варианты. Если Ольге надо в туалет (судя по прошедшему времени и по количеству выпитого, было очевидно, что ей должно хотеться и уже давно), то почему спокойно не поставить нас в известность о необходимости маленького санитарного перерывчика и не проследовать в гордом одиночестве в какие-нибудь кусты, коими изобиловал лежащий рядом парк?

У всех одновременно возникла надежда: «Кто-то из нас будет приглашен этой привлекательной пьяной особой, чтобы составить ей компанию».

«Ну вот сейчас и поймем, кто же в действительности имеет шанс выебать эту неприступную Ольгу!» — дальновидно решил я. Пауза начала затягиваться. И вдруг Ольга встала со скамейки. Она была одета в деловой костюм, как обычно одевалась на работе. На ней была клетчатая обтягивающая юбка чуть ниже колен, черные колготки и светлый короткий пиджак с плечиками. На ногах у неё были туфли на высоких широких каблуках. Она

выпрямилась. Её животик, под туго обтягивающей юбкой, выпирал отчетливым полушарием. «Надо же», подумал я, — «вроде никогда не замечал у неё такого явного живота,:неужели так может выпирать мочевой пузырь?». Сейчас в ней было не меньше двух литров свежего пива. Очевидно, мог.

Внезапно Ольга приняла решение.

«Проводи меня, пожалуйста» — негромко произнесла она. Наши глаза встретились. Одновременно раздался выдох разочарования моих чуваков. Я не знал, что думать. Вероятно, в первый момент я просто лишился дара выполнять какие-либо мыслительные функции.

Мы с Ольгой двинулись по направлению к нашей стене. Сзади раздавались подбадривающие вопли моих пьяных и разочарованных коллег.

Она шла не спеша. Я вторил темпу её ходьбы. Одновременно, мы вели шутливый разговор.

«Неужели все-таки сдалась?» — спросил я.

«Как видишь. Я ведь хоть и правильная во всех отношениях девушка, но всё имеет конечный объем:» — отвечала она улыбаясь.

«Ну, вот здесь мы это и делаем» — глупо заявил я, когда мы подошли к «стене плача». В это время по дорожке в пяти метрах от нас ковыляла старуха, навстречу ей спешил мужичонка в робе и с чемоданчиком инструментов в руках. Поток людей здесь был не густой, но непрерывный.

Она мгновенно, не останавливаясь, оценила ситуацию: «Нет, я так не могу, это совершенно невозможно» — сказала она и ускорила темп. Далее на нашем пути стоял кирпичный жилой дом. Не широкий, этажа четыре. Ольга уверенно и быстро шла в направлении обнадеживающе открытой двери парадного. Она, казалось, перестала замечать меня.

Похоже, она досидела на скамейке до такого состояния, что с трудом сдерживала мучительные позывы своего мочевого пузыря. Тело её было напряжено. Спина при этом оставалась прямой как струна. Руки она скрестила на груди. Казалось, напряженная поза может ей чем-то помочь.

Мы ввалились в дом. Перед нами была лестница наверх. Ольга начала быстро подниматься по ступенькам — я за ней. На втором этаже нам встретился пожилой мужик с полиэтиленовым мешком. Он спускался вниз. «А там выше ремонт», — зачем-то проинформировал нас абориген.

Действительно, лестница дома находилась в состоянии косметического ремонта. На третьем этаже мы протиснулись мимо малярной стремянки. Ольга напористо миновала четвертый — последний жилой — этаж и двинулась выше. Казалось, она наверняка знает, куда идет.

Лестница привела нас на небольшую площадку под самой крышей дома. Здесь было светло — широкое продолговатое оконце пропускало яркое дневное солнце. Справа от лестницы находилась дверь, которая, очевидно, вела на крышу.

Я отметил про себя, что бетонный пол на площадке был абсолютно чистым и, как мне показалось, ровным. Действительно, совсем недавно здесь штукатурили потолок и красили стены, а, закончив, уже успели выгрести строительный мусор.

Я оказался на площадке одновременно с Ольгой. Тут она повернулась ко мне и полушепотом произнесла «Ты теперь иди вниз, пожалуйста», — она судорожно сглотнула слюну. «А мне обязательно идти вниз?» — спросил я, как бы шутя. «Да, пожалуйста, я так не могу: я стесняюсь. Вот, возьми сумку, пожалуйста:» — затараторила она убежденно.

Её голос почти звенел, дыхание перехватывало. Мне стало её жаль. «Бедняга», — подумал я,

— «я бы уже сто раз умер на её месте. Вот это терпение!». Я взял у неё сумку и начал спускаться вниз, краем глаза, через плечо наблюдая за Ольгой. Я тайно надеялся, что она сразу начнет присаживаться, и я увижу хоть маленький кусочек этого увлекательного действа.

В это время Ольга совершила неожиданный рывок к двери на крышу. Она схватилась за ручку и пару раз сильно дернула. «Вот это предусмотрительность!», восхитился я, — «: истинная леди, рискуя позорно обоссаться, проверят каждую мелочь».

Меня определенно интересовала и возбуждала эта женщина. Почти спустившись на один пролет, я оказался метрах в семи от Ольги. Я обернулся в последний раз. Моя голова оказалась на уровне её ступней.

В это время Ольга уже стояла посреди площадки лицом ко мне. Ноги её были слегка расставлены. Она увидела моё замешательство и повторила жалобно «Ну, пожалуйста!». Я понял, что вульгарного мочеиспускания, в прямой видимости мужчины, Ольга не допустит, и сделал ещё несколько шагов вниз по ступеням.

Я остановился, как только перестал её видеть. Сейчас прямая видимость нарушалась только кромкой площадки, на которой находилась Ольга. Теперь она оказалась даже ближе ко мне, чем в прошлую мою остановку. В метре над моей головой молодая женщина собиралась справлять малую нужду. Я затаил дыхание. Кровь стучала в ушах. В такт с этими ударами пульсировал мой до предела напряженный член.

В доме было совсем тихо, если не считать еле слышного гула большого города за овальным окном площадки. На какое-то мгновение все звуки стихли. «Интересно, она догадывается, что я всё слышу?» — подумал я, — «скорее всего ей сейчас не до того».

На площадке раздались три или четыре быстрых гулких щелчка, которые производили Ольгины каблуки. Очевидно, в этот момент Ольга ещё шире расставляла ноги, для того, чтобы удобно и безопасно присесть.

Сразу после того, как женщина закончила топтаться у меня над головой, я услышал резкий шорох, который производила шерстяная юбка, стремительно задираемая по колготкам. Звук был такой: «фш-ш-и-х-х!», и юбка оказалась задранной. В следующую секунду раздался более мягкий шорох — Ольга стягивала с себя колготки вместе с трусами.

Далее последовал отчетливо различимый в тишине щелчок — хрустнула косточка в ноге женщины — Ольга глубоко присела.

Прошло ещё пол-секунды и я услышал до боли знакомый, но от этого не менее желанный звук. Струя блондинки звонко выстрелила в бетонный пол. Радостный фонтанирующий шум возвестил о том, праздник облегчения начался.

Я стоял очень близко. Ольга мочилась, не издавая никаких слышимых посторонних звуков. Не было слышно ни малейшего шороха одежды, казалось, она не дышала и вся устремилась в серебряную солоноватую струю между своих ног.

Похоже, ей сразу удалось полностью расслабить мышцы, надежно запиравшие до этого её женский, широкий мочеточник. Моча шумным потоком устремилась на пол. Ольга мочилась не меньше минуты.

Первую половину — секунд тридцать — напор струи неожиданно менялся. Казалось, молодая женщина самоотверженно борется за живучесть своего мочевого пузыря, изливая из него опасную жидкость.

В самом начале мочеиспускания, основным был шум жидкости, изливающейся на бетонный пол под большим напором. Моча шипела и пенилась. Новые и новые порции женской урины

уже попадали в стихийно образовавшуюся лужу, и звук стал более «мокрым» — бурлящим.
Когда первые стаканы были исторгнуты из Ольги (прошли лишь секунды), она, похоже, напрягла мышцы живота, сжав мочевой пузырь и придав струе дополнительный напор. Её мочеточник издал отчетливый «фф-сс-ык» и к шипению прибавился свистящий звук, как если бы у Ольги в промежность была вмонтирована свистулька.
Свист то усиливался, то ослабевал, — уставая, женщина переставала сдавливать мочевой пузырь. При этом, похоже, менялось и направление струи, так как при меньшем напоре мочеиспускание сопровождалось гораздо большим количеством сочных капающих звуков, в то время, как, напрягаясь, Ольга начинала свиристеть и «резать» бетонный пол мощной направленной струей.
Прошло уже больше пол — минуты. Блондинка в очередной раз напряглась, и поток мочи звонко «фссыкнув» вдруг прекратился. Я отчетливо услышал, как в лужу упали несколько отставших от общей компании капель. Одновременно, Ольга с облегчением выдохнула «уф-ф!».
«Всё?» — пронеслось в моей голове, но через секунду поток возобновился. Звук его поразительно изменился, казалось, наверху присела другая женщина. Долгое время моча текла из Ольгиной промежности спокойным широким потоком, практически без напряжения и эмоций. В какой-то момент постоянный поток сменился частым прерывистым капанием.
Казалось, истерзанный напряжением мочевой пузырь моей сотрудницы обессилено сочится остатками урины. Думаю, в этот момент женщина уже наслаждалась блаженными секундами, спавшего наконец, лихорадочного и мучительного напряжения в промежности, сопровождавшего последний час её жизни.
Неожиданно, сочение прервалось. Ольга одарила бетонный пол двумя короткими звонкими выбрызгами и затихла. С начала этого мокрого фейерверка прошла минута. Праздник был закончен.
Вероятно, некоторое время она ещё манипулировала мышцами промежности, не будучи уверенной в том, что её мочевой пузырь приведен в естественное удовлетворенное состояние. При этом из щели молодой женщины в лужу упали несколько последних капель.
На верхней площадке раздались два уже знакомых щелчка — это звонко щелкнула косточка в коленке. Ольга совершала последние пассы, характерные для пописавшей женщины, — она, умело приседая, стряхивала остатки мочи с влажной вульвы и с волос на половых губах. Наверняка в её сумочке были припасены салфетки на случай неожиданного посещения туалета, но сумка в этот момент находилась у меня в руках.
В следующее мгновение с ольгиной площадки донеслось мягкое еле слышное шуршание — женщина надевала трусики. Я услышал короткий шлепок резинки — Ольга поправляла только что надетые трусы, чтобы они не забивались во влажную после мочеиспускания срамную щель.
Следующий неспешный и деловитый шуршащий звук оповестил о том, что Ольга натянула колготки. Далее с шумным шорохом, характерным для чистой одежды была опущена юбка. Ольга сделала два неуверенных шага — очевидно, она обходила лужу, которую только что напрудила.
В следующий момент я услышал уверенный и радостный стук Ольгиных каблучков по лестнице — она направлялась вниз. Я спешно развернулся к ней навстречу — она не должна была увидеть меня, стоящего столбом. С другой стороны, объяснения тому, как я угадал, что

она именно в этот момент закончит мочиться (ведь не прошло и минуты после того, как Ольга справилась с последними каплями) у меня не было.

Мы сошлись на середине пролета ведущего на ольгину площадку. Я был возбужден до предела. Плохо соображая, что делаю, я положил ладонь на то место, где пару минут назад выпячивался переполненный мочой животик блондинки. Рука скользнула вниз. Я ощутил под жесткой шерстью узкой юбки аккуратно упакованный в трусики и колготки мягкий лобок.

«Ты как?» — задал я идиотский вопрос. «Очень хорошо!» — ответила она серьезно, и твердо взявшись своими маленькими пальчиками за мою руку, убрала её со своего лобка.

Я понимал, что уподобляюсь несчастным извращенцам — фетишистам, которые охотятся за грязным женским бельем, но ничего не мог с собой поделать.

«Ты подожди меня внизу. Мне тоже надо. Я недолго» — сказал я. «Хорошо» — ответила она и решительно направилась вниз по лестнице к выходу.

На ватных ногах я поднялся до конца пролета на площадку. Как я уже говорил, на площадке до этого было абсолютно чисто и сухо. На полу была лишь пара разводов штукатурки, оставшихся после ремонта. Сейчас всё изменилось. Прямо посередине площадки стояла лужа. Её ЛУЖА. Пол, на первый взгляд казавшийся ровным, имел, как оказалось, ощутимое углубление в центре, поэтому ольгина моча не растеклась и не стекла куда-либо в угол, а вся осталась стоять на площадке. При этом мочи было столько, что она заняла всю площадку.

Лужа имела грушевидную форму. Неширокая «попка груши», очевидно, возникла непосредственно между ногами женщины. Сюда вытекал финальный ручей, сюда же попадали параллельные струи с меньшим напором, вытекавшие в «неправильных» направлениях вниз по ольгиной промежности, половым губам, попадая на влажный от мочи анус.

Основная же масса мочи находилась в «голове груши», которая как раз и приходилась на центр площадки. Края груши имели ровную, соответствующую углублению в полу кромку. Присмотревшись, я увидел вокруг большей части лужи мириады мелких брызг. Похоже, привычно манипулируя положением тела, Ольга умело направила свой фонтан, так что струя мочи била не вертикально вниз — прямо между ног, а под значительным углом, чтобы не забрызгать туфли и низ колготок. Место соприкосновения основной струи с бетоном была смещено вперед от ольгиной промежности. При этом фонтан, под большим давлением ударяясь в пол, производил массу брызг.

На поверхности широкой части лужи неподвижно и победно плавали, постепенно уменьшаясь, пенные островки. Пивная моча Ольги сбилась в пену.

Я присел на корточки над лужей. «Господи, если бы они знали, чем я тут занимаюсь! Серьезным ведь мужиком слыву» — с грустью подумал я.

В следующий момент я опустил три пальца в самое глубокое место лужи. Пальцы почувствовали ласковое тепло, царящее внутри Ольги. Я поднес мокрые пальцы к носу. Жидкость издавала чуть заметный мускусный запах. Я тронул пальцы языком. По вкусу Ольгина моча напоминала жесткую воду из деревенского колодца. Кроме того, я отчетливо ощутил легкий, едва заметный, солоноватый привкус. Почки блондинки старательно отфильтровали ударную дозу пива, направив в мочевой пузырь, а затем и на бетонный пол почти что дистиллированную воду.

Я не делал попыток отлить, хотя и было чем. Член в результате всех этих потрясений был как

каменный и неприступно стоял в позиции «вертикально вверх».

Когда я спустился вниз, пальцы уже почти высохли. Здесь меня ждала довольная Ольга. Она радостно принялась щебетать о чем-то мало меня в ту минуту интересовавшем. Мы вернулись к скамейке, чтобы присоединиться к остальной компании.

Чуваки к этому моменту выполнили очередной заход за пивом и уже были достаточно пьяны. Пора было заканчивать вечеринку, о чём я и объявил окружающим. Парни высказали шуточное возмущение по тому поводу, что «тебе повезло, а всем остальным тоже хочется». Несмотря на пивные пары у меня в голове, в этот момент я уже отчетливо понимал, что свой выбор Ольга уже сделала.

Дальнейшее развитие событий было практически предрешено. В течение двух последующих недель мы были с Ольгой неразлучны. Мы пили пиво вдвоем, гуляли, очень много разговаривали.

В одно из последующих воскресений она пригласила меня к себе домой, где я и имел удовольствие убедиться в том, что Ольга действительно натуральная блондинка, предложенным ей же способом.

Наши отношения продолжались четыре года. При этом каждый год четвертого июня мы обязательно отмечали наш «день рождения» — День Рождения наших отношений. Это стало почти традицией — мы пили много пива в многолюдных кварталах старого города. После достижения необходимой кондиции мы прятались где-нибудь на лестнице, и Ольга торжественно совершала «праздничное мочеиспускание» в моём присутствии. Сразу после этого мы занимались любовью. Эти минуты я запомню навсегда. Для меня до сих пор нет ничего более возбуждающего, чем влажное влагалище только что поссавшей женщины.

Как я уже сказал, мы были вместе четыре года, после чего она собралась замуж, и мы были вынуждены прекратились наши отношения.

Я часто спрашиваю себя, что же случилось тогда четвертого июня 96-го года в парке перед ТЮЗом? Как эта молодая женщина могла так безошибочно, определенно, и в то же время, без единого слова дать мне понять, что предпочла меня остальным мужчинам?

С одной стороны, все, что она сделала, это всего лишь пригласила меня «посторожить», в то время, как сама справляла малую нужду. С другой стороны, она умело совершила беспрецедентный акт соблазнения без единого слова или даже намека на секс.